

18+

Илья Стефанов

ЗОЛОТОЙ ЛАРЕЦ

ПОВЕСТЬ РЫБАКА
МАРУФА

Илья Стефанов

**Золотой ларец. Повесть
рыбака Маруфа**

«Издательские решения»

Стефанов И.

Золотой ларец. Повесть рыбака Маруфа / И. Стефанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555120-7

«Золотой ларец» — роман в стихах, написанный по мотивам книги «1001 ночь» в форме рассказов из уст главного героя. Рыбак Маруф, бросив злодейку-жену, пускается бродить по свету. Он прошёл через все тяготы бездомного бытия, но испытал и сладость злачной жизни среди купцов и даже в царских палатах. Роман заканчивается рассказами о невероятных любовных историях и злосчастьях любви. Ценители поэзии поразятся необычным слогом сочинения и разнообразием форм стиха.

ISBN 978-5-00-555120-7

© Стефанов И.
© Издательские решения

Содержание

ЗОЛОТОЙ ЛАРЕЦ	6
Предупреждение читателю	7
Пояснения автора	8
Слово о повести Маруфа	9
Слово о Маруфе	11
КНИГА БРОДЯЖНИЧЕСТВА	18
Рассказ о встрече с царём	18
Рассказ о ссоре с женой	27
Рассказ об ифрите	28
Рассказ о ссоре с женой	32
Рассказ о жене Ифрита	35
Рассказ о сорока невольницах	39
Рассказ о старухе	42
Рассказ о кладе АШ-Шамардаля	45
Рассказ о Зейн-аль-Мавасиф	50
Рассказ о Мариам	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Золотой ларец Повесть рыбака Маруфа

Илья Стефанов

© Илья Стефанов, 2021

ISBN 978-5-0055-5120-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗОЛОТОЙ ЛАРЕЦ

Повесть рыбака Маруфа

Роман в стихах
в четырёх книгах
с предисловием и вступлением

по мотивам

«КНИГИ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

После любящих слово **АРАБОВ**
И замечательного переводчика **М. А. САЛЬЕ**
Прославляет их **ТРУД**
Удачливый в рифмах **Илья СТЕФАНОВ**

Предупреждение читателю

***КНИГА ПУСТЬ НЕ ПОПАДАЕТ В РУКИ
НИ ДЕТЕЙ, НИ СПЛЕТНИЦ, НИ ГЛУПЦОВ***

Пояснения автора

Роман в стихах «Золотой ларец» написан по мотивам «Книги тысячи и одной ночи» (восьмитомный перевод с арабского М. А. Салье, 1958 г.). После названия каждого раздела указывается место «Книги...», ставшее основой поэтического текста (номер тома и страницы). В качестве эпиграфов были использованы отдельные фразы или стихи «Книги...». Из неё же взяты почти все пояснительные сноски в тексте романа. (В противном случае они отмечены словом – *Автор*).

Илья Стефанов

Слово о повести Маруфа (Предисловие)

VII, 5—12

*Если бы душа моя была в моих руках,
и я отдал бы её тебе за эту повесть,
моё сердце на это бы согласилось.*

Царь царей, властитель Хорасана,
Чтил среди придворных мудрецов
Знатоков Хадиса¹ и Корана,
А среди слуг – рассказчиков-чтецов.

Он любил старинные преданья
О царях и витязях лихих,
И рассказы, повести, сказанья
О делах великих и простых.

Каждый, у кого рассказ был строен,
В душу проникал, тоску леча,
Похвалой был царской удостоен
И халатом с царского плеча.

Если ж выходил рассказ прекрасным,
Царь дарил подарок дорогой:
Тысячу динаров хорасанских
И коня в исправе золотой!

Лучшими рассказами в те годы
Были те, что сочинил Синдбад:
Книга приключений *Морехода* —
Словно волшебства цветущий сад!

В ней, однако, правды маловато,
А придумке, вымыслу – простор.
Где Синдбад найти мог столько злата,
Никому не ясно до сих пор.

Но дошла до царственного уха,
Завладев державной головой,
Весть о дивной повести Маруфа,
Златоустом звался он молвой.

Говорили, что его рассказы —

¹ Предания о словах и делах пророка Мухаммеда.

Как из моря мудрости улов.
Говорили, что тесны там связи
Правды жизни с краской звучных слов.

Повесть ту читают не от скуки.
В ней – предупреждение для чтецов:
*Книга пусть не попадает в руки
Ни детей, ни сплетницы, ни глупцов.*

Царь вскричал: «Найти мне повесть эту,
Записать, доставить в Хорасан!»
И, два года рыская по свету,
Разыскал её купец Хасан.

Царь назвал ту повесть сущим кладом,
А другие слушать не хотел!
Он купца осыпал чистым золотом
И в одежды царские одел.

Дал коня. На нём была исправа
В злате вся, от стремя до удил.
Землю дал с селеньями и справа
От себя Хасана посадил!

Клад волшебный, утешенье в слове,
Царь велел в золотом ларце замкнуть.
И с тех пор он слушал чудо-повесть
Всякий раз, когда стеснялась грудь.

Слово о Маруфе (Вступление)

V, 263—268

Нет у меня порока кроме бедности.

Шёл по городу Багдаду человек
С ношей дров на поседевшей голове.

По тому, что он имел худую плоть,
Видно было, позабыл о нём Господь.

Гнёт-усталость и густой полдневный зной
Мир пред взором застилала пеленой.

Наш носильщик от таких злых дел размяк,
И в печали рассуждал примерно так:

«Неужели служит наша голова,
Чтоб носить на ней то пищу, то дрова?»

Хорошо, конечно, что под ношей тень,
Но в такой тени не сладко в жаркий день!

А сегодня над Багдадом злющий зной,
На песок нельзя ступить босой ногой!

Я в жару под тяжким грузом изнемог,
Стал неверным шаг свинцом налитых ног.

Всё! Нет мочи! Отдохну. Да, решено!
Здесь как раз полито и подметено,

Воздух ровный – сам стремится влиться в рот.
И скамья зовёт на отдых у ворот!

Где ты, молодость, и где былая стать?
Нет, мне надо отдохнуть и подышать.

Ах, блаженство – шевелить ступнями ног,
Ощущая телом нежный ветерок!

Да к тому же здесь и музыка слышна.
О мой Бог, какая звучная струна!

И слышны под лютню звуки голосов

В чтеньи, пеньи ли чарующих стихов.

А стихам (о, что творит кудесник чтец!)
Вторят птицы (научил их петь Творец!).

Ох ты, господи! да что ж за праздник там?
Подойду немного ближе к воротам.

Сад – из лучших, из ухоженных садов,
Между зеленью – зеркальный блеск прудов.

А из окон, с ароматом сада слит,
Запах кушаний дурманит и манит!

О мой Бог, наш Господин, творец всего!
Наделяешь Ты без счёта одного,

А другого – он хоть лоб себе разбей! —
Оставляешь Ты без милости своей!

Как же так? В грехах своих, о славный мой,
Я раскаивался сразу пред Тобой.

Правда, я сопротивлялся злой судьбе,
Но ведь я и не выигрывал в борьбе!

Я не лезу своевольно в Твой чертог,
Властен Ты во всякой вещи, о мой Бог.

Потрудился Ты! Одних обогатил,
А других забыл – на всех не стало сил!

Тех возвысил – ну и что? Ты так хотел,
А других унизил – много сделал дел!

Ты велик, Творец, и власть Твоя сильна.
Власть же делать, что ей хочется, вольна!

Ты судил жить в счастье-радости одним,
В унижении-усталости – другим.

На земле, о сколько их, других, живёт
Под палящим солнцем дня во мгле забот!

Я и сам – о годы-бремя, жизнь-беда! —
Так живу, клонясь под тяжестью труда.

Давит сердце ноша тяжкая моя,
А другой так не трудился даже дня!

В наслажденьях и веселье он живёт,
И во славе, и довольстве ест и пьёт.

Правда, странно, что из капли мы одной,
И подобны, и равны мы меж собой,

Только есть у нас различие, оно
Разнит строго нас, как уксус и вино.

Но поверь, мой Бог, всегда я говорил:
Мудрый Ты и справедливо поступил!»

Над Багдадом, между тем, спустилась ночь,
И носильщик уходить собрался прочь.

Но старик-слуга вдруг вышел из ворот.
Он сказал: «Мой господин тебя зовёт».

И носильщик, поразмыслив только миг,
Сделал то, о чём просил его старик.

Ношу бросив и вздохнув разок-другой,
Он пошёл, сопровождаемый слугой.

Дом приветливостью встретил от дверей,
И, казалось, он был создан для гостей.

Всё там было, чтоб мир-отдых ощущать,
И на всём была достоинства печать.

Наш носильщик проведён был в светлый зал,
Где гостей блестящий круг пестрел-сиял.

Зал просторен был, красив – предел мечты!
Меж колоннами кругом ковры, цветы,

А на скатертях стояло для гостей
Много кушаний роскошных и сластей.

И стояли там среди букетов роз
Чудо-вина из отборных красных лоз.

Всё там было, что бывает на пирах,
А средь всех сидел хозяин на коврах.

Он в годах был, но спина была ровна,
Щёк его едва коснулась седина.

Он красив был, как влюбившийся узрит,²
И имел как царь величественный вид.

Наш носильщик древним кратким словом «Мир»
Поприветствовал собравшихся на пир.

А хозяин попросил его присесть
И велел подать ему попить-поесть.

Наш носильщик съел цыплёнка, съел хурму,
Выпил что-то, и вернулся дух к нему.

Тут хозяин молвил: «Брось стеснения плен!
День прихода твоего благословен.

Кто ты, ставший провидения посланцем,
И скажи, каким ты занят ремеслом?»

«Я Маруф. Я здесь носильщиком служу.
Я за плату с рынка тяжести ношу».

А хозяин возразил: «А я Синдбад.
Я про жизнь твою услышать был бы рад.

Ты красиво говорил там, у ворот.
Но не жил я без труда. Наоборот!

Я семь раз прошёл края заморских стран,
Умирал от горя, ужаса и ран.

Но предписанное всё свершится в срок.
И не стоит нам роптать, судьба ведь – Бог!

Да, Маруф, я рос в богатстве. Мой отец
Знатный был и уважаемый купец.

Путь окончив, предначертанный судьбой,
Много злата он оставил за собой.

Годы шли. Я беззаботно, сладко жил,
Ни свой ум не напрягал, ни струны жил,

Разъезжал по чудным, сказочным краям
И пиры давал знакомым и друзьям.

Но однажды я, очнувшись, увидал,
Что ушёл, исчез, пропал мой капитал!

² Узриты – люди из племени Бену-Узра, отличались особой верностью и чистотой в любви.

Не укрылся я от паники огня,
Ведь исчезло всё, что было у меня!

И навеки б стал беззвучен мой карман,
Но помог – мир с ним! – великий Сулейман.³

Помогли мне мысли чудо-мудреца.
Я впервые их услышал от отца.

Вот слова, мудрей которых в мире нет,
В них и предостереженье, и совет:

«Есть три вещи, те, что лучше трёх других.
Знай: день смерти лучше жизни дней пустых.

Лучше пёс живой, чем мёртвый царь зверей,
И могила лучше бедности – ей-ей!»

(Я уверился, объехав много стран, —
Трижды прав был сын Дауда, Сулейман!)

Понял я: грозит мне бедности беда,
Коль и дальше буду жить я без труда.

Труд – ограда нам от всех житейских бед.
Не сказать об этом лучше, чем поэт:

«Лишь трудом достигнуть можно гор высот.
Кто стремится вверх, не спит ночами тот.

Чтоб собрать жемчужин горсточку одну,
Утомляются нырять к морскому дну».

Я ходил купцом за море каждый год,
И за то меня прозвали «*Мореход*».

О Маруф, ты не из тех, кто глуп-ленив.
Ты трудом и утомленьем, видно, жив.

Хорошо ты говорил там, у ворот!
Складный слог тебе – от Господа щедрот.

В доме этом в вечеров спокойный час
Любим мы послушать чей-нибудь рассказ.

О Маруф! Поведай нам свой путь борьбы

³ Сулейман – библейский Соломон, сын Давида (Дауда).

За достоинство в превратностях судьбы».

«Да, мне есть, что рассказать, – сказал Маруф, —
В разных землях я испытывал свой дух.

Я родился близ Каира, у реки.
И отец, и дед мой были рыбаки,

Проявляя норов, ловкость в деле том,
Они часто приносили рыбу в дом.

Только трудно рыбаку разбогатеть!
Умерев, отец оставил мне лишь сеть.

Я усердно дело правил, сеть кидал,
Но удачи в рыбной ловле не видал:

То ли дело было в горе-рыбаке,
То ли рыбы поубавилось в реке.

Я тогда уже два года был женат,
Но жене, злодейке-ведьме, был не рад.

Я увидел, что черна моя стезя,
Что беднее и несчастней жить нельзя.

Только прежде, чем дать Господу ответ,
Я решил узнать получше белый свет.

Посетил я – Бог свидетель – много стран.
Перенёс – не счесть числа! – душевных ран.

Много в жизни я загадок разгадал.
Счастлив был, но чаще бедствовал, страдал.

О себе предстать с рассказом, о Синдбад,
Пред вниманьем добрых лиц я буду рад.

Только вижу я, устали господа,
Утомила их беседа и еда».

Но хозяин возразил: «Начни сейчас,
А в другие дни порадууй снова нас».

И Маруф стал сказы сказывать в стихах
У Синдбада на беседах-вечерах.

Сказы те и про добро, и про порок.
Всё в них – правда, истый жизненный урок!

Было так! А лучше знает лишь сам Бог.

КНИГА БРОДЯЖНИЧЕСТВА

Рассказ о встрече с царём

V, 242,272—275

*Судьба в меня всё мечет униженья,
Чехлом из стрел душа моя покрыта.
И ныне, если стрелы поражают,
Ломаются концы их о другие.*

1

В один из дней
С корзиною в руке
Пошёл я по обычаю к реке.
Я вышел, встав
До первых петухов,
Чуть раньше самых шустрых рыбаков.
Мне уж давно в рыбалке не было удачи,
Но вот теперь, я думал, будет всё иначе.

2

Придя к реке,
Я пояс подтянул,
Рукав приподнял, полы подоткнул
И, развернув,
Забросил сеть свою
В вод сонных ещё тёмную струю.
Помедлив, вытянул, воззвав к судьбе-надежде.
Но сеть была пуста, как много раз и прежде.

3

Однако, свет
Надежды не погас,
И сеть ещё бросал я много раз.
Но хоть бы раз
Что с сетью поднялось!
То ль с рыбой, то ль с рекою что стряслось...
Вот так всегда: как будто делаешь как надо,
Но лишь напасти ждут тебя, а не награда.

4

От дел таких,
Взболев, стеснилась грудь.
В горячей голове сгустилась муть.
И я вскричал:
О Тот, кто над судьбой!

Ну в чём, скажи, я грешен пред Тобой?»
Увы, увы! Но так устроено на свете,
Что перед Богом мы всегда в долгу-ответе!

5

Но говорят,
В несчастье отведи
Терпению всю ширь своей груди:
Творец миров
(В веках Он не умрёт!)
За горем облегчение даёт.
Терпи и горечь дней, коль мог терпеть их сладость,
И знай, что Бог есть всё – и бедствие и радость.

6

Я посидел
Немного у реки,
Уткнувшись головою в кулаки.
Ведь как нарыв
Нас горе жжёт порой,
Болит нарыв, пока не выйдет гной.
Так и превратности, стеснение и морока
Уходят прочь от нас, помучив нас жестоко.

7

Подумал я,
Напастям вышел срок!
А ну заброшу сеть ещё разок!
И, бросив сеть,
Я долго-долго ждал.
Но Бог мне ни рыбёшки вновь не дал.
А день прошёл! (В трудах он кажется короче) —
И мрак в душе соединился с тьмою ночи.

8

А поутру
С корзиною в руке
Я снова, рано встав, пошёл к реке.
Призвав Творца,
Вздыхнув, я бросил сеть,
Тяну, и вдруг, о радость! – что-то есть!
И я старался, сеть тянул с большим уловом,
Творца Вселенной поминая добрым словом.

9

Дрожа, светясь,
Я вынес на базар
Трепещущий серебряный товар.
Давал я всем

Сверх платы. Я – хитрец!
А как же! чтоб и впредь был щедр Творец!
Бог видел всё, и слал, и слал он мне удачи!
А я опять ему давал немножко сдачи.

10

В мешочек мой
К динару шёл динар.
А прятал я в халат небесный дар.
И вот я вновь,
В корзину бросив сеть,
Пошёл к реке с уловом попотеть.
Мой шаг был твёрд, я был богач! Походкой быстрой
Я подошёл к реке тропинкою росистой.

11

Забросив сеть,
Не ждал, а на авось
Я тут же поднял. Рыб не поднялось.
Я бросил вновь,
Немного подождал,
Но вновь мне ни рыбёшки Бог не дал.
Сменил я место, и закинул сеть я снова.
И снова Бог меня оставил без улова.

12

Переменил
С утра я много мест.
Излазил-исходил я всё окрест.
И всё кидал,
Кидал, тянул, кидал,
Добычи ж – кот наплакал-нарыдал!
Да, мой улов не скажешь даже, что был жалок:
Ведь вместо рыб я наловил травы и палок!

13

И я вскричал:
«Хвала Тебе, Творец!
Ты спрятал рыб, и – всем делам конец!
Ты поработал
Ловко под водой:
Ну надо ж! Нет там рыбки ни одной!
Денёк воистину по милости Господней
Как ночь мучений в самом пекле преисподней!»

14

И я сказал
(В душе): «Уйду тотчас,
Как только брошу сеть ещё лишь раз.

Лихой судьбе
Короткий мой ответ:
Последний раз, будь рыба или нет!»
Я сам не свой вдруг стал от гнева, огорченья
И сеть схватил в сердцах с отчаяньем смятенья.

15

И вот размах
На всю длину руки,
И сеть летит на быстрину реки!
А это что?..
Мешочек! О мой Бог!
Он выпал! О проклятье, чтоб я сдох!
Мои динары трудовые, мой мешочек!
Ах, я несчастный! Ну и выдался денёчек!

16

Я простонал.
Но, полный сил, надежд,
Легко освободился от одежд
И, бросив их,
Проворно в воду скок!
Нырнул и стал искать я свой мешок.
Нырял, выныривал, был весь я из движенья,
Пока не вверг себя во тьму изнеможенья.

17

Я в горе, зле
Готов был зареветь.
А выйдя из воды, нашёл лишь сеть!
Своих одежд
Не мог найти следа!
Да, верно, что беду зовёт беда.
И верно сказано: паломник только чудом
Домой вернётся без любви в пути с верблюдом!

18

Да, в жизни я
Поел от горьких блюд!
В тот день от них я был, как тот верблюд,
Что распалён
Несётся топоча.
Я дико бегал с сетью на плечах.
Так, взбунтовавшись, лихо носятся ифриты
Коль в тьме кувшина были долгий срок закрыты.

19

И тут ко мне
Подъехал всадник. Он,

Сказав привет, издал короткий стон
И произнёс:
«Скажи, где здесь река?»
Ответ как плеть сорвался с языка:
«Ты что слепой или смеёшься, гад ползучий?
Вон там река, болван, она за этой кручей!»

20

А всадник вновь
Спросил. В вопросе – спесь:
«Скажи ты мне, зачем стоишь ты здесь?
И каково
Твоё, брат, ремесло?»
А я в ответ: «Ты разумом в ослов!
Глаза имеешь, так смотри, смотри прилежно!
Ведь на плечах моих занятий принадлежность!»

21

А он сказал:
«Как будто ты рыбак».
А я: «Ты угадал. Да, это так!»
«А где же твой, —
Спросил он вдруг, – халат,
Повязка, пояс...» О! Открылся клад!
Да это ж то, что из вещей моих пропало!
Все – за одной одну, одну к одной назвал он!

22

Я был тогда
От злобы сам не свой —
Как стрелы мы, коль гнев нам тетивой.
Я за узду
Коня сейчас же – хватать!
«Отдай мои одежды, брось играть!»
А всадник крикнул, обозвав меня невеждой:
«Поди ты к дьяволу, рыбак, с своей одеждой!»

23

Я посмотрел
На пышность его щёк,
И это зла подбавило ещё.
«Отдай халат!» —
Я всё кричал, грубил
И толстой палкой чуть ли не побил.
Я говорил: «Дружок, ты у меня дождёшься!
Я буду бить тебя, пока не обольёшься!»

24

Он снял с себя

Атласный свой кафтан,
Широкий, как его широкий стан.
Я взял его
И повертел в руках —
Здесь как бы не остаться в дураках!
И говорю ему: «На что это похоже?!
Моя одежда в десять раз твоей дороже!»

25

А он сказал:
«Пока его надень,
А завтра – завтра славный будет день! —
Сведу расчёт
Я полностью с тобой!
Приди-ка, брат, полуденной порой
К дворцу царя. Я при дворе служу флейтистом».
И скрыл улыбку на лице своём мясистом.

26

Затем флейтист
Коня направил прочь,
А я не мог смущенья превозмочь.
Я думал: Да!
Всё это не к добру.
Ну, я – хорош! Затеял злу игру!
Поди ж! На царского слугу я злом сорвался...
А, показалось мне, он очень испугался!

27

Бежал я вдаль
От царского дворца.
Но жизнь в руках не наших, а Творца.
Он сделал так,
Что злой доносчик, пёс,
На мой кафтан с золотым шитьём донёс.
И вот уж стражники с мечами у порога.
Но – убегу! была бы людной дорога.

28

А стражи те
Сумели задержать,
Сумели и не дать мне убежать.
Шли позади,
По ходу, по бокам.
Не мог я волю дать своим ногам!
Хвала и слава нашей крепкой царской власти!
Она спасает от свободы злых напастей.

29

Вот позади
Возвышенность крыльца
И семь проходов царского дворца.
Вдруг кровь в виски,
И я огнём горю —
Меня подводят стражники к царю.
А царь (Творец скрывал, молчал, держал то втуне)
Был всадник тот, кому грубил я накануне!

30

Наш царь ведёт
С везирем разговор.
Я слышу, дело важное, не вздор.
Нет, не про рыб,
Про женщин речь ведут
(Здесь тоже нужно мужество и труд!).
Пресыщенный любовью, царь средь чернооких
Предпочитал строптивых, взбалмошных, жестоких.

31

Я б спорить мог
О яде сладких дел!
Но царь меня вдруг быстро оглядел,
И стал везирю
Громко говорить:
«Не знаю, как с беднягой поступить.
Кнутом или огнём, чтоб знал он в ад дорогу?
Но предоставим мы судить об этом Богу!»

32

И разорвав
На множество кусков
Бумаги белой несколько листов,
Он написать
Велел на части их
Двенадцать сумм и малых, и больших,
Затем двенадцать же отметить пыток разных
От наказания кнутом до смертной казни.

33

Он скрыл листки
Одни среди других
И приказал мне взять один из них.
Тут я вскричал:
«Вам тесно что ли жить?
Меня вы собираетесь убить!»
Везирь в ответ: «Вчера ты сам судил нас строго!
Проси решенья у всевидящего Бога!»

34

Дрожа рукой,
Я, взяв, затрепетал:
О пытке сотней палок прочитал!
Я закричал,
Не выдержав, в сердцах:
«Не дай вам Бог ни радостей, ни благ!
О мой Господь! Зачем Ты создал нас из праха,
Коль нам готовишь столько ужасов и страха!»

35

И пытку ту,
В сто палок, принял я.
И мир стал тесен, пресен для меня.
Казалось мне,
Уж лучше умереть,
Чем это пережить-перетерпеть.
И я сказал царю: «О, дай мне позволение
Взять вновь, награду или лучше – убиенье!»

36

Везирь сказал:
«А что? Пускай берёт!
Умрёт, бедняга, – только отдохнёт!»
Схватив, я взял.
И – вот он, божий дар:
В бумажке было – «Дать ему динар»!
Динар за сто ударов – миленькое дело!
Да, счастьем есть предел, напастям – нет предела!

37

Схватив динар,
Я вышел из дворца.
Там евнух ждал сходящего с крыльца.
Он шёл мне встречу,
Пискливо говоря:
«Пожалуй нам от щедрости царя!»
Он чёрен кожей был, а телом жирен, пышен.
Швырнув ему динар, на улицу я вышел.

38

Опять я был
В бессилии сердит,
И злобен в униженьи, как ифрит.
О жизнь, мне нет
Везения ни в чём!
А слёзы мыли, жгли поверхность щёк.
Куда я брёл – соображал я очень плохо,
Тряслось всё тело от побоев и от вздохов.

39

Ну и денёк!
Я силы все сгубил,
И что же? – Лишь динары утопил.
А вместо рыб —
Ох, то я сделал зря! —
Поймал, глупец, гулявшего царя.
И надо ж, царь попался мне какой-то странный:
Гуляет-ездит он без свиты и охраны.

40

О Ты, мой Бог!
Зачем моя судьба
Точь-в-точь судьба последнего раба?
И думал я,
Быть может, жив пока,
Мне бросить что ли дело рыбака?
Хотя – нигде трудом нельзя разжиться очень,
И вряд ли в чём другом к удаче путь короче...

Рассказ о ссоре с женой

VIII, 366—367

Господь великий да испортит ей жизнь!

Ведьмой прозвали её,
жену мою Фатиму.
Она хранила в себе
грехов и пороков тьму.
Ругались мы каждый день,
ругались мы каждый час,
И проклинала меня
смутьянка тысячу раз.
А я страшился её,
боялся её вреда.
Страшился за честь свою,
горел за неё от стыда.

С утра я к реке уходил.
Рыбачить – занятие моё.
И то, что за рыб выручал,
я тратил всё на неё.
А в день, когда рыба не шла,
беги хоть из дому прочь:
Она вымещала зло
на теле моём в ту же ночь.
А ночь та была черней
страницы её грехов,
И я с нетерпеньем ждал
глас утра – крик петухов.
Я много дней близ жены
в сквернейших муках провёл.
О, если бы яд мне взять
да отравить её!

Однажды, ссорясь с женой,
страдал я, не спал всю ночь.
А только забрезжил рассвет,
сказала мне ведьмина дочь:
«Маруф, я давно уже ем
одну пустую еду!..
Сегодня ты мне принесёшь
лепёшку в пчелином меду!»
А я ей сказал: «Клянусь,
мне нечем платить за неё.
Но, может, премудрый Бог
облегчит дело моё!»

«Не знаю, – сказала она, —
облегчит Он или нет,
Но без лепёшки в меду
не приходи ко мне!
Ты быстренько вспомнишь, Маруф,
каким ты в ту ночь стал,
Когда женился на мне
и в руки мои попал!»

Я тихо оставил дом,
меж вздохов шепча: «О мой Бог!»
И поспешил к реке,
взметая песок дорог.
Рыбачил я час, другой,
бросал и вытягивал сеть,
И, ничего не поймав,
решил отдохнуть, посидеть.
Потом я прилёг на песок,
издав тяжкий вздох, как стон.
И вот уже крепко сплю
и вижу ужасный сон.

Рассказ об ифрите

I, 37—42

Измотанный зряшным трудом,
Тяну я со злостью сеть
И громко в сердцах кричу,
И Бога зову и смерть:
«Так сотворил Творец!
Всегда будет мир таков:
Одним суждено ловить,
Другим – поедать улов.
О смерть, посети меня!
Поистине жизнь скверна,
Коль добрых она гнетёт,
А подлых возносит она.
Сколько раз в сетях лишь палки да трава!
Тьфу всей жизни (если будет такова)!

Только – стоп!
Кувшин тяжёлый сети рвёт!
Нет! Добыча эта в море не уйдёт!
Он заполнен, видно, златом, не свинцом.
Ах, каков я нынче! просто молодцом!»
Вынув нож, я быстро пробку раскрошил,
И потряс кувшин, и боком положил,

Но оттуда ничего не вышло вон,
Что немного б возместило мой урон.

И вдруг из кувшина дым
Стал изливаться струёй,
Пополз по лицу земли,
Поднялся смерчем-змеёй.
Я вижу в нём отблеск огня,
В дыму будто что-то горит.
Затем, как грома раскат,
И вместо дыма – ифрит!

Ноги как мачты,
Руки как вилы,
Голова – котёл!
Глаза словно лампы,
Ноздри как трубы,
И дым из них шёл!
Рот как пещера,
Зубы как камни,
И страшен их щёлк!

От мрачных предчувствий меня
Сковало, бросило в пот,
Мелко зубами стучал
Мой онемевший рот.
Ифрит посмотрел на меня,
Всклокоченный, дикий, злой,
И загремел-загудел
Голос его надо мной:

«Готовься умереть, рыбак,
У тебя совсем мало времени:
Я тебя сейчас, червяк,
Щелчком по темени!
Тебе хочется бежать без оглядки?
Но, когда душа в носу,
Трудно показать пятки!
Я провёл в море тысячу лет,
А до этого был слугой Сулеймана.⁴
Он, великий, знал власти секрет,
Я пред ним был послушной барана!
Но я трижды срывался,
И вот – кувшин!
(Сулейман видом прост был,
Но властью как джинн!)
И тогда я сказал (ибо духом ослаб)

⁴ По преданию Сулейман (Соломон) имел власть над джиннами, птицами и ветрами.

Что спасителю буду служить как раб!

И проходили сотни лет надо мной,
Но запаздывало освобожденье.
В сильном гнев-отчаяньи, злой
Я изменил решенье.
И недавно, сто лет назад,
(Ты решенью будешь не рад!)
Я сказал: Чем я дольше подобен нулю,
Тем меньше к спасителю снисхождения.
Я господина-спасителя раздавлю,
Достигнув полного освобождения!
Мне решиться на это не трудно:
Несправедливость есть в каждом подспудно.
Её проявляет полный силы,
Её скрывает слабый, трусливый».

Поджилками я задрожал,
Прослушав ифрита бред.
И, руки воздев к небесам,
Я закричал в ответ:
«Ифрит, не губи меня!
Господь даст власть над тобой
Тому, кто погубит тебя!
Поплатишься ты головой!
Ведь всякий злодей с другим
Вскоре вступает в спор.
А над десницей любой
Творец наш свою простёр!
Как мог я спасти тебя
Раньше на сотню лет?
В то время рыбачил здесь
Не я, а мой пра-пра-дед!»
Ифрит загремел: «Пра-пра-...
Рыбачил здесь как раз!?
Сейчас я ему отомщу
За то, что меня он не спас!»
Он поднял ногу, и вот —
Грозит мне его пята.
Вой-крик исказил мой рот,
И – кончилась сна маята!

В себя приходила душа.
Теплела слеза в глазах.
И радость жить и дышать
Во мне заменяла страх.
С усмешкой я размышлял:
Чуть-чуть затянись мой сон,
И я испытал бы тотчас

В жизни последний урон!
Я вновь присел на песок,
Жизнь и судьбу кляня,
О горе! Даже во сне
Напасти терзают меня!

Рассказ о ссоре с женой (окончание)

VIII, 366—367

Проснувшись, я долго сидел,
 всю жизнь, явь и сны, кляня.
И вдруг, как огнём обожгло, —
 жена ждёт с уловом меня!
Схватив, стал я сеть бросать.
 Трудился в поту целый день,
Но ничего не поймал!
 (Не в счёт ведь рогатый пень).
Меж тем закончился день,
 и я поплёлся домой.
Жёг-угнетал меня
 ужас перед женой.
Добыча ко мне не пришла
 стечением тайных судеб.
Мне не за что было купить
 даже насущный хлеб.

Смущённый делами дня,
 по рынку я шёл, и вдруг
Знакомый торговец кричит:
 «Чем ты расстроен, Маруф?»
О всех событиях дня
 я рассказал ему —
Про рыбу, ужасный сон
 и про свою Фатиму.
Он засмеялся в ответ:
 «С тобой не будет беды!
Я в долг дам лепёшку тебе
 и дам на ужин еды.
Только, Маруф, у меня
 пчелиный кончился мёд.
Но есть тростниковый. На вкус
 он за пчелиный сойдёт!»
И дал тот торговец сыр,
 мёд и лепёшку мне,
И, подбодрив, он сказал:
 «Ступай к своей жене.
Ты будешь мне должен, Маруф,
 пятнадцать полушек за всё.
А эту полушку возьми,
 на баню истратишь её.
И будет отсрочка тебе
 день, два или несколько дней —

Я знаю, удачи редки
в работе нелёгкой твоей».
И я как мог горячо
торговца благодарил.
С залеченным сердцем я шёл
и повторял-говорил:
«Слава Тебе, Господь!
Великодушен Ты,
Коль наделяешь нас,
бывает, и сверх мечты!»

И вот я пришёл домой,
а на пороге – жена.
«Принёс ты лепёшку мне?»
Подав, я сказал ей: «На!»
Фатима лепёшку взяла,
тут же сунула в рот
И закричала тотчас:
«Но здесь тростниковый мёд!
Я же сказала тебе:
пчелиного мёда хочу!
Ну, ты дождёшься, Маруф,
за всё я тебе отплачу!»
Чувствую, сердце в огне,
но я спокойно сказал:
«Эту лепёшку мне
в долг мой товарищ дал!»
Тут как взгневится она!
«Глупейший из подлецов!»
И вдруг, лепёшку схватив,
швырнула мне прямо в лицо.
И продолжала, крича:
«Иди другую добудь!»
Затем, взбесившись совсем,
схватила меня за грудь.
И я ощутил на себе
всю тяжесть её кулаков.
Она раскровила мне
губы о твердь зубов.
И у меня изо рта
кровь по груди потекла.
Тут понял я: в доме моём
кончились жизни дела.
В сильный гнев я пришёл,
сжалась в кулак рука...
Я, кажется, стукнул жену...
по голове... слегка.

Затем я покинул дом.

Бежать мне хотелось прочь!
Я вышел за город, хотя
уже наступала ночь.
Пусть ночь! Я домой не вернусь,
мосты к нему сожжены.
Отныне, увы! у меня
ни дома нет, ни жены.
А сердце теснилось в груди,
и слёзы текли из-под век.
Господь! – я взывал, – есть ли где
несчастней меня человек?

В развалинах старых домов,
вздремнув, переждал я тьму,
А утром дальше пошёл,
с тех пор я не видел Фатьму.
С тех пор моим домом был
полей и пустынь простор.
И стал я большим знатоком
слов ветра и говора гор.
Ходил я, бродил по земле,
и разных видел людей,
Я много узнал про жизнь
бродяг, купцов и царей.
И если рассказы мои
собрать, записать и сшить,
Они назиданиями
людям могли бы служить.

Рассказ о жене Ифрита

I, 111—115

Неприкаян в даль-дороге человек —
Не устроен его отдых и ночлег.
Солнце село, сумрак всё окутал вмиг.
Запинаясь, я шагаю напрямик.
Вдруг прозвякнуло-пропело под пятой.
Стоп! Кольцо! Быть может клад здесь золотой?
Вот и дверь, что открывается кольцом.
Наконец мне счастье послано Творцом!
Я, напрягшись из последних сил разок,
Опускную дверь отбросил на песок.
Вижу – лестница. Всхвалив, призвав Творца,
Я спускаюсь, и куда же? – в зал дворца!

В светлом зале – что за диво-сторона!
Восседала чудо-женщина – луна!
С томным взглядом, роковая ночь в очах,
С белым ликом, что без солнца весь в лучах!
Рост высокий, крепкогруда и нежна,
Благородный облик – чистая луна!
Лик светил в ночи мерцающих кудрей,
А уста цвели над мрамором груди.
Соразмерность, стройность, втянутый живот.
Для смотрящих – храм страданий и забот!
Бёдра как холмы, как ветка ивы стан.
Всё в ней есть, что добавляет в сердце ран!
Я до скованности речи и лица
Потрясён был вдохновением Творца!

«Бог хранит тебя! – она мне говорит. —
Ты кто будешь? человек или ифрит?»
«Человек я, человек! – воскликнул я, —
Но печальна и судьба, и жизнь моя!
Может, звёзды привели меня сюда,
Чтоб прошла моя тоска, моя беда?»
И о всех в связи со мной делах Творца
Рассказал ей от начала до конца.
Мой рассказ был горький яд, а не бальзам,
Потому привёл он женщину к слезам.
А затем она, печалась и скорбя,
С плачем вот что рассказала про себя:

«Я росла, и вот уж время под венец.
Свадьбу пышную справляет царь-отец.
И жених уже спешит ко мне, горит...

Вдруг схватил меня внук дьявола, ифрит!
Я летела с ним по небу под луной,
И очнулась в этом месте под землёй.
Он принёс мне всё, что нужно, мой злодей,
Но мне скучно жить с вещами без людей!
И с тех пор я всё грущу о белом дне.
Жить с ифритом под землёй – ох, тяжело мне!

Но мой муж лишь раз приходит в десять дней.
Правда, он, Маруф, по прихоти моей
Появиться может здесь в момент любой,
Стоит мне слегка дотронуться рукой
До вот этих непонятных знаков-строк,
Что унижают ниши уголок.
До его прихода есть ещё три дня.
Не хотел бы ты остаться у меня?»
«Хорошо! – ответил я, – прекрасный час!
(Видно, грёзы оправдаются как раз!)»
После стольких дней злосчастья и потерь
Я прошёл с ней через сводчатую дверь
В дом восторгов-пыток – в баню-красоту,
Путешественника дерзкую мечту!
Вот я снял с себя одежды, наконец!
(И она была, в чём создал нас Творец.)
Пар так жарил, как в день Страшного суда,
И ласкала тело нежная вода...
Мук блаженства, благ мучений – через край
В этом доме, где смешались ад и рай!

После бани я уселся на скамью,
Милой женщине вручив судьбу свою.
Принесла она мне сахарной воды,
Подавала на блюдах всяческой еды.
Суетясь, она, веселье обретая,
Щебетала и смеялась, как дитя.
А потом сказала: «Ляг теперь, поспи,
Успокойся духом, тело укрепи».
Я прилёг, и тут же сон меня сморил.
Забываясь, я судьбу благодарил.
А проснулся я и слышу над собой
Речь негромкую с слезами и мольбой:
«Грудь моя от скучной жизни стеснена.
Под землёй я двадцать лет уже одна.
Сушь в груди моей никто не окропил,
И никто вина из рук моих не пил.
Как противна мне подземная страна!
Милый юноша, не хочешь ли вина?»
Я лежал и думал: Может это рай?
И сказал одно лишь слово: «Подавай!»

За беседой, сладким яством и вином
Отдыхали мы в том мире неземном.
А потом я с ней темь ночи коротал —
Никогда я о подобном не мечтал!
Просыпались мы и, чувствуя любовь,
Прибавляли радость к радости мы вновь.
От вина и от любви, двух сладких дел,
Дух воспрянул мой, а разум улетел.
Расхрабрившись, я кричал: «Вставай! Пошли!
Я тебя на землю враз! из-под земли!»

А красавица смеялась, говоря:
«Будь доволен! Не болтай ты много зря!
Я твоя ведь девять дней из десяти,
Мы один лишь день ифриту отдадим!».
«Что? Ифрит?» – Я вдруг от ревности сдурел.
Покорённый опьяненьем, загудел:
«Где та ниша? Не найду её никак!
Пусть придёт ифрит! Ну где же этот знак!
Пусть придёт! Он злой и сильный? Наплевать!
Я привык ифритов злобных убивать!»

Тут красавицу объял великий страх.
Закричав: «Тебя тотчас он втопчет в прах!» —
Продолжала: – «За меня ты порадей!
Ведь убьёт меня наверно мой злодей!
Умоляю, заклинаю – воздержись!
Ты загубишь этим жестом мою жизнь!»
Но я был в хмельном угаре сам не свой
И ударил в нишу пьяною ногой...

Потемнело вдруг, загремело.
Загремело вдруг, заблестало...

Я мгновенно понял всё и – отрезвел.
Я от страха как безумный заревел:
«Где тут выход?!» – и издал протяжный вой,
Больно стукнувшись о стену головой.
Но меня вперёд и вверх гнал жуткий страх,
И не помню, как я выбрался впотьмах.
Долго, долго в беге страх меня трепал.
Наконец, я обессилел и упал...

Да, стал думать я, нет доли хуже, злей.
Я бы мог расстаться с жизнью, дуралей!
Надо ж было строки те задеть ногой!
Можно было б отдохнуть денёк-другой.
Я опять ни при стенах, ни при деньгах,

В общем, снова я остался в дураках!
Да, с ифритом мне опять не повезло.
Я добра от них не вижу, только зло!
Не пустись я наутёк во весь опор,
Наш бы с ним не затянулся разговор!
Впрочем, это наш Господь (Он всё творит!)
Сделал так, что не догнал меня ифрит.

Рассказ о сорока невольницах

I, 87,148—153

*Я сидел развалившись,
но болтливость мне навредила!*

Под солнцем шагал я, мой путь был далёк.
Устал я как дьявол, но шёл, а не слёг.
Я жаждал, глотая слюну, а не сок,
Алкал, ощущая во рту лишь песок.
И вдруг впереди – о мой Бог, мой Творец! —
Я вижу светящийся чудо-дворец!

Огнём нетерпенья сжигая свой страх,
В прекрасный дворец я вбежал впопыхах.
И там – будто в сказке приснился мне сон! —
Толпою красавиц я был окружён,
Каких до сих пор не рождал человек,
Смотрящий на них не насытится век!

Они сказали: «Здесь приют
Тем, кто из наших уст попьют.
Прими букетом сладких струй
Наш многократный поцелуй!
Отныне ты наш господин,
Владыка наш, судья над нами,
А мы – невольницы твои,
Прислужницы твоих желаний.
Сошлись мы, дочери царей,
Сюда, чтоб утешать людей».

Они покрыли пол коврами,
Ковры – природными дарами,
Кругом расставили цветы,
Закуски, сладости, плоды
(Айву, гранаты, апельсины),
Вина высокие кувшины.
Одни под лютню стали петь,
Другие сели пить и есть.

И между нами заходили
И чаша-хмель, и блюда-сладость,
И в сердце бедном породили
Покой и мир, любовь и радость.
Заботы все забыл я вдруг,
Я с каждой девой был сам-друг!

Затем искали мы утех.
И вот уж крики, шутки, смех.
Взыграло в нас хмельное зелье,
Мы впали в бурное веселье:
Возня и беготня под хохот,
Свалившейся посуды грохот.
Поддавшись будто бы испугу,
Кидались в лоно мы друг другу.
При том я в нежности их тел
Удостовериться хотел.
Они ж кокетливо ворчали,
На шутку шуткой отвечали:
Одна прижмётся шаловливо,
Другая оттолкнёт игриво,
Та вдруг ударит-взгреет грубо,
Та пожалеет нежно-любо,
Одна до боли ущипнёт,
Другая чашу поднесёт.

К ночи – веселье через край
В смеси с любовным мёдом-ядом.
Они сказали: «Выбирай,
Которой спать с тобою рядом».
Я взял светлейшую лицом.
Она была, черна глазами,
Для страсти создана Творцом
С слегка раскрытыми устами.
Огонь и блеск на розах лика!
Смущала ум, ошеломляла!
Верней, чем стебель базилика,
Она красою покоряла.
Я пережил с ней ночь-мечту.
Я эту ночь за сто зачту.
Взволнованный вином и новью,
Любил язычества любовью...

А поутру они меня
Помыли в бане, приодели.
Потом мы вкусно пили, ели...
И вот прошло уж время дня.
И взял одну из них я вновь.
Она была газель глазами,
Ягнёнок нежными боками.
Всё было в ней, что пенит кровь.
И только перси огорчали:
Они хоть мёд и источали,
Но так над грудью возвышались,
Что обниматься нам мешали.
Дни, ночи шли в свой ряд-черёд,

Числом составив целый год.

И вот в отъезд на сорок дней
Собрались дочери царей.
Целуя их по сорок раз,
От них я выслушал наказ:
«Живи, не гневая Творца,
Во многих комнатах дворца.
Не жить красавцу в тесноте ведь!
Так что открой хоть тридцать девять,
В них отдыхай, наш дорогой,
Но избегай сороковой!
Бедя придёт к тебе, поверь,
Коль ты откроешь эту дверь».
Объятый непонятным страхом,
Я рьяно клялся предков прахом
Не открывать ту дверь дворца,
Терпеть и не терять лица.

Без дня сорок дней я провёл во дворце.
Пил, ел, отдыхал, округляясь в лице.
А в комнатах тех настоящий был рай!
Еда и напитки – бери-выбирай!
Гулял я, вдыхал ароматы цветов,
Наевшись, дремал под напевы дроздов.⁵

Но занят был ум у меня, дурака,
Последнею комнатой из сорока.
И вот – как о том я жалею теперь! —
Открыта, открыта запретная дверь!
Я с замершим сердцем шагнул за порог...
И – сказке осталось двенадцать лишь строк:

Конь вороной там стоял под седлом,
Фыркал, бил в пол с нетерпеньем и злом.
Раз конь осёдлан и взнуздан стоит,
В стремя нога заступить норовит!
Не задержалась раздумьем нога,
Разом в седло я, за повод рука!
Гром вдруг ударил, свет заблестел.
Кажется, конь не бежал, а летел!
Только вдруг стал он, упёршись в песок,
Я же на землю слетел, как мешок!
Встал, огляделся... О Боже-Творец! —
Место, откуда я видел дворец!

⁵ Есть виды дроздов замечательно поющих. – Автор.

Рассказ о старухе

V, 5—7

1

Я предгорьем пустынным шагал.
Вдруг исчезла, пропала дорога.
Но, пройдя нервным шагом немного,
Я палатку увидел средь скал.
У палатки сидела старуха
И собаку ласкала рукой.
Но была та собака не злой:
Лишь вниманием дрогнуло ухо.

2

Я сказал: «Славен Тот, кто Един!»
И старуха привет возвратила.
А на просьбу поесть возразила:
«Бог накормит нас, наш Господин.
Ты не очень дорогой натружен?
Ну, тогда в той долине сумей
Изловить палкой нескольких змей,
Я сготовлю из них сытный ужин».

3

Я вскричал: «О старуха! Не смей
Предлагать мне отпробовать жало!»
Но старуха по-своему решала:
«Я тебе отловлю пару змей».
То легко было ловкой старухе.
Я от ужаса мелко дрожал.
Угощения ж не избежал —
Что не станешь глотать с голодухи!

4

А когда аппетит мой ослаб,
Я спросил у старухи водицы.
«В том ручье очень можно напиться,
Если выгнать лягушек и жаб».
И я пил ту вонючую воду
Из того ли ручья-не-ручья.
В страшной жажде, но чувствовал я:
Худшей гадости *не* пил я сроду.

5

И сказал той старухе худой:
«Я дивлюсь на тебя, о старуха!
Как ты можешь питать своё брюхо

Гадкой пищей и тухлой водой?»
«Хорошо, каковы ж ваши страны?»
«В наших странах довольно еды,
Много чистой и вкусной воды,
Мясо жирное: куры, бараны,

6

Чудо-фрукты: гранаты, бананы.
Можно всякую редкую снедь
В наших странах чудесных иметь
(Если золотом набиты карманы).
Хоть житьё лишь купцам и вельможам,
Все за деньги привязаны к ним.
Мы всегда, когда есть захотим,
Увеличить привязанность можем.

7

В наших странах есть множество благ».
Тут старуха сказала: «Довольно!
Ты хвались предо мной, да не больно!
Жалко мне вас, бедняг-бедолаг.
Ну скажи, – горячилась старуха, —
Какова тонких кушаний сласть,
Если вас раздавить может власть,
Не оставив о вас даже слуха?

8

Ведь бывает такое у вас:
Вас ограбив, султанская свора
Судит вас же, как злостного вора?
Если ж вы согрешите хоть раз,
Вас и ваших родных избивает,
Сочиня подложный приказ.
Ведь бывает такое у вас?»
И промолвил я: «Это бывает!»

9

А она: «Ведь не зря говорят:
Коль на свете живёшь безопасно,
Блюда горькие – это лекарство.
Блюда ж сласть – проникающий яд,
Если жгут притеснителя плети.
А без страха живёшь и – здоров,
Представляешь весь мир как свой кров!
Есть ли благодней что-то на свете?

10

Это благо бывает тогда,
Когда правит султан справедливый,

От большого ума горделивый.
И к тому ж должен он обладать
Совершенством в делах управленья,
Ибо в нынешние времена
В людях злости лихой семена,
Чёрной зависти и вождельня.

11

Ваши правит, я знаю, султан,
Не внушающий людям почтенья, —
Слаб в костях и делах управленья,
В зле-разврате погрязший чурбан.
С вас теперь ваши местные власти
Могут шкуру иль голову снять.
Разрешил он всем всех притеснять,
И умножились злые напасти.

12

Истомились и дух ваш и плоть.
Нет! Уж лучше терпеть от султана,
Чем от правящих низкого сана,
То всё так! Лучше ж знает Господь». —
Отдохнув за беседою странной,
Я решил продолжить свой путь,
Потому что расправилась грудь
(Хоть тошнило от пищи поганой).

13

Шёл и думал: старуха права,
Да, всё так. Но, мой Бог, почему же
Мудрым посох отшельника нужен,
Чтобы лес поглощал их слова?
Их бы всех на престол нашей власти.
Больше было б там мудрых людей.
Не ужился б среди них лиходеи,
Нас не мучили б злые напасти...

Рассказ о кладе АШ-Шамардаля

IV, 475, VI, 7—27

1

Я долго жил как нищий, как бродяга.
Ко мне не приближалось счастье-благо.
Не мог я ни купить и ни продать.
Мне часто приходилось голодать,
Ведь я не мог, несчастный бедолага,
Ни попрошайничать, ни воровать.

2

Нигде не нанимали голодранца,
И рыбой лишь я мог кой-как питаться.
С обрывком сети я ходил туда,
Где голубеет, плещется вода.
И там я должен был во всю стараться,
Чтоб хоть раз в день ко мне пришла еда.

3

Однажды я полдня провёл, рыбака,
Но с рыбой получилась неудача:
Бросал, бросал я сеть за разом раз,
Но та хоть раз бы с рыбой поднялась!
И думал я, от горя чуть не плача,
Неужто рыба здесь перевелась!?

4

Что делать мне? Я сеть забросил снова,
Промолвив Богу ласковое слово.
И вдруг подъехал к речке человек,
То ль мавр, то ль африканец, то ли грек.
В пыли он был и выглядел сурово,
И мула был нелёгок топот-бег.

5

Пока я разбирал его породу,
Он с мула слез и в речку прыгнул сходу.
И рьяно (от меня невдалеке)
Стал плавать, фыркать и кряхтеть в реке.
И вдруг надолго скрылся он под воду.
А я был без халата, налегке.

6

Я быстро подбежал к нему поближе,
Затем, нырнув, поплыл всё глубже, ниже.
И вижу: корчась, тонет человек,

Вот-вот простится с жизнью он навек.
Я хватя его! (Он, благо, был не стрижен)
А он уж не смежал застывших век.

7

Я на песке продлил борьбу с бедою —
Тряс, мям, и труд не кончился тщетою:
Вздыхнув, издал бедняга слабый стон,
И вот уж стал шептать невнятно он:
«О, как ты очутился под водою?
А что со мной?.. Быть может, это сон?»

8

Я отвечал ему: «Я здесь рыбачил
И видел, как, нырнув, тонуть ты начал».
Он продолжал: «Хоть я пловцам под стать,
Но видно мне ныряльщиком не стать.
А вижу, для тебя легка задача
Из глубины жемчужину достать!»

9

Когда б не ты, мне гнить и мокнуть в тине.
Ты спас меня – и ты мне брат отныне.
И я тебе поверю тайну, брат.
Так вот, зовут меня Абд-ас-Самад.
Отец мой, о своём заботясь сыне,
Дал книгу мне, не книгу – сущий клад!

10

Там дивные от древних сказы-вести.
О кладах повествуют сказы эти.
А в книге той все сведенья верны,
И нам не рассчитать её цены
И золотом нельзя уравновесить:
Пути там к кладам определены.

11

А самый интересный клад на свете
Аш-Шамардаль, припрятав, засекретил.
Тот маг-мудрец три вещи обожал:
Круг небосвода, перстень и кинжал.
С секретом, непростые вещи эти.
Он с ними славу мудрого стяжал.

12

У тех вещей могучая природа.
Видны все земли в круге небосвода.
А перстень возвышает званье-сан,
С ним над тобой не властен и султан!

Кинжал – от бед разбойничьего рода,
С ним вам не страшен даже великан!

13

Путь к кладу – ад. Жизнь с ним подобна раю!
Пойдём со мной к таинственному краю!
Чтоб клад тот взять, я думаю, ты гожд.
Те вещи – мне! Ты – золото возьмёшь!»
Я отвечал: «Добро! Не возражаю!
Зачем мне круг какой-то, перстень, нож!»

14

Уселись мы вдвоём на спину мула,
И вот дорога в горы повернула.
И оказалось, взял Абд-ас-Самад
В дорогу разговоры и цыплят.
Душа моя в дороге отдохнула,
И я готов был понырять за клад.

15

Как следовало из его рассказа,
Абд-ас-Самад был родом из Микнаса.
Он был богат, имел большой дворец.
Разгадкам тайн учил его отец.
Он не терпел ни рабства, ни приказа
И не хотел царям служить, гордец!

16

Вблизи тех мест кружил нас гуль проклятый.
Но, наконец, порядочно измяты,
Мы у реки поставили шатёр.
Затем пред ним уселись на ковёр
И целый день, волнением объята,
Рассматривали склоны ближних гор.

17

Я кратко рассказал Абд-ас-Самаду
Про жизнь свою, как другу или брату.
Затем мне объяснил Абд-ас-Самад,
Как брать согласно книге тайный клад.
И – то казалось мне что нет труда тут,
То я, страшась, и злату был не рад!

18

Сказал он мне: «Ты видишь эти горы?
Пещеры в них цепочками как норы.
А в самой дальней – клад тот золотой.
Но вход в пещеры только под водой.
Глубины вод – надёжные запоры:

Поля надежд взять клад цвели тщетой.

19

Плыть под водой к пещерам – путь немалый.
Но знаю я, ты водолаз бывалый.
Тебя ведь не страшат глубины вод.
Нырнув поглубже, ты увидишь грот.
Плыви в него – там ход, ведущий в скалы,
И выведет в пещеры этот ход.

20

Но, вынырнув, ты сделаешь полдела.
В дальнейшем – дух крепи и действуй смело:
Там призраки пришельцев в гротах ждут,
Появятся, окружают, нападут.
Но знай, они без духа и без тела,
Наскочут, нападут и – пропадут!»

21

Не обсуждая призраков природу,
Я лёг поспать, а утром прыгнул в воду.
Я грот нашёл, затем подземный ход,
И вот уже в пещеры поворот.
Вдруг там (чего не видывал я сроду!)
Мне призрак в тьме кромешной скалит рот!

22

Я, глядя на неяркое свечение,
Остолбенел, но только на мгновенье.
Затем шагнул, и вдруг навстречу мне
С копьём тяжёлым всадник на коне!
Но я прошёл вперёд, борясь с волнением,
И всадник засветился на стене!

23

А в следующей сумрачной пещере
Навстречу мне, оскалив пасти, – звери.
А на полу – скелеты, кости, прах!
Но я иду вперёд, припрятав страх.
И вдруг – всё то, чему забыл и верить
Я в этих заколдованных горах:

24

В пещере полутёмной, сыроватой
Блестело в кучу сваленное золото.
А рядом свёрток маленький лежал.
В себе он, оказалось, содержал
Предметы снов и грёз Абд-ас-Самада:
Круг небосвода, перстень и кинжал!

25

Я взял на радость друга те предметы.
(Минуют пусть его напасти-беды!)
Себе, чтоб не сердить судьбину-рок,
Я злата взял на жизни краткий срок.
И выплыл я. И мы вели беседы
Про честь, богатство, бедность, и порок.

26

Мой друг, как человек особой меты,
Смотреть стал в круг-трубу на все предметы.
«Теперь узнаю я, – сказал он мне, —
Что есть внутри нас, и что есть во вне.
Хочу растолковать я все приметы
И явной жизни, и картин во сне!»

27

А я сказал: «Мне б сердцем внять жизнь эту,
Не ровня я учёному аскету.
Я обойти желаю белый свет,
Чтобы узнать, есть счастье или нет.
Хочу я, меж людей бродя по свету,
Найти на это правильный ответ!»

28

Скрываясь от разбойничьего глаза,
Мы вскоре оказались у Микнаса.
Меня к себе позвал Абд-ас-Самад:
«Живи здесь, то мне будет не в наклад!»
Ко мне же мысль пристала как зараза,
Всё думал я, куда девать свой клад?

29

И золота увесистая груда
Со мною сотворила просто чудо:
Купцом я стал! Я принял важный сан!
Готовлю я товар для дальних стран!
Купив товаров, мула и верблюда,
Составил я с купцами караван.

30

Мы двигались два дня. И – порт уж скоро.
Но вдруг на караван напала свора
Перерезающих дороги и пути.
И каждый захотел себя спасти.
В стремленьи к жизни мул мне был опора,
И – ноги удалось мне унести!

Рассказ о Зейн-аль-Мавасиф

VII, 289—297

Бродил я раз по одному из городов
И вышел к дому из купеческих домов.

Там пела женщина, и слов-стенаний звуки
Из сердца будто шли, вобрав влюблённых муки:

*Дует ветер благовонный
С мест, где след её мгновенный.
Этот ветер, этот воздух
Для больного исцеленье.*

*Не спеши ты, ветер, мимо,
Между нами покружи.
Разузнай все тайны милой,
Буду ль счастлив я, скажи?*

Я заглянул за ворота из сталь-листв
И сад увидел из прекраснейших садов,

А в глубине его, ещё доступной глазу,
Заметил полог – злата блеск по чернь-атласу.

За этим пологом, где кто-то пел-страдал,
Я вскоре нескольких невольниц увидал.

А между ними – то Создателя песнь песней! —
Стояла девушка всех девушек прелестней.

Подобна пламенно светящейся луне,
То сказка в сказке, сон мечты, мечта во сне!

Глаза черны, блестят нарочитой угрозой,
Уста влекут к себе чудесной нежной розой,

Рот, раскрывая с лёгкой дрожью губ коралл,
Жемчужным блеском убивал, пронзал, карал!

Она мне в душу блеском чар запала сразу,
А соразмерностью похитила мой разум.

Я не заметил, как приблизился я к ней.
(Господь решает, как нам быть, ему видней!)

Мне стало жарко вдруг, все члены тела скисли,

А сердце билось в грудь, отняв весь смысл у мысли.

С трудом я вымолвил, промямлив: «Мир... Привет...»
Но не расслышал, что сказали мне в ответ.

Она же, стройная, покачиваясь, встала
И, удивлённая, негромко пророптала:

«О человек, где взял ты смелость к нам войти?
Чужому к девушкам заказаны пути!

Оставь мой сад (ах, эти глупые мужчины!),
Ты можешь девушку ославить без причины».

«О госпожа, – ответил твёрдо я, как мог, —
Из дальних стран я шёл, устал я от дорог,

Вдруг сад увидел, полный зелени дыханья,
Вознёю птиц, плодов, цветов благоуханья.

И я подумал, отдохнуть бы здесь часок!»
«Ну что ж, – та девушка в ответ, – часок не срок».

А голос пел-звучал, и стал я словно пьяный.
Очей краса, и нежность уст, и стройность стана

Меня смутили. От таких неожиданных дел
Вдруг сердце сгнуло, а разум улетел.

Не находил я связи мыслей со словами,
И, чтоб прийти в себя, я занял ум стихами.

*Блестит луна красою украшений
Среди холмов, цветов и дуновений,*

*Сиянье льёт сквозь тень густых ветвей,
Напевы льёт-поёт ей соловей.*

*И страсть в душе скрывается, томится,
Хмельно-смущённая красой луны-девицы.*

Хозяйка сада всё смотрела мимо, вдаль —
Стихи ей, кажется, усилили печаль.

Она сказала, будто я читал неплохо,
И взгляд её во мне оставил сотни вздохов.

Её ж дальнейшей речью не был я польщён:
«Надежду брось на близость с той, в кого влюблён!

Желанья страсти пресеки, то миг забвенный!
Не думай так, что будешь в мыслях неизменный.

Я настрадалась от любовных дел лихих,
Влюблённым всем беду несёт взор глаз моих!»

Не поняв всё, решил я действовать упорно,
Держаться твёрдо, терпеливо и покорно.

Как мне сказал один знакомый сердцеед:
«Нет ничего, кроме терпенья, против бед».

Она к тому же не гнала меня из сада,
Напротив, мне она была как будто рада.

Меж тем день кончился, уже всходила ночь.
Она сказала: «Хочешь есть?» Я был не прочь.

Стол появился очень скоро перед нами
Уже уставленный бараниной, птенцами

(Птенцами куриц, куропаток, голубей).
Когда поели и насытились мы с ней,

Нам принесли кувшин с водой для омовенья.
Меж тем уж ночь несла тревоги и томленья.

И нежно девушка сказала: «О Маруф,
Ты укрепил немного, видимо, свой дух.

Люблю за шахматной игрой я отдохнуть.
Скажи, ты согласишься в той игре хоть что-нибудь?»

«Да, я в ней сведущ», – я ответил. И тотчас
Стол специальный слуги вынесли для нас.

На нём стояли уж фигуры перед боем
На золотящимся разметкой ярком поле.

Жемчуг и яхонт крыли ту и эту рать.
И вот их цвет меня уж просят выбирать.

А я ответил: «О владычица красавиц!
Возьми ты красный цвет. Как ты, красой он славен.

А я возьму, коль ты не против, белый цвет».
«Согласна я. Но ход за мной!» – она в ответ.

И вот рука её летит к фигурам поля,
Передвигаемым всегда в начале боя.

Взглянув на нежность белых пальцев той руки,
Заметил я: они как будто из муки,

Муки, замешенной для праздничного теста,
И, чтоб потрогать их, я встал невольно с места.

Она ж воскликнула: «Терпи и стойким будь!»
Но как терпеть, когда от вздохов сохнет грудь?

Бог создал девушку, изяществом раскрасив,
И имя ласковое дал – Зейн-аль-Мавасиф.

Я отвечал ей так, под тяжкий вздох ли стон:
«Коль кто б терпел, тому я был бы удивлён!»

Вот так играли мы. Я гибнул в страстной думе.
И вдруг послышалось: «Очнись, Маруф, шах умер!»

Ей было ясно, почему я сел на мель,
Ведь мне мешает с ней играть любовный хмель.

И говорит она: «Я буду, мой влюблённый,
Теперь играть лишь на заклад определённый».

А я в ответ: «Тебе лишь стоит намекать,
Твоим желаниям я буду потакать».

Она же молвила: «Дадим друг другу слово,
Что каждый может получить заклад другого».

А я ответил: «О красавица, я рад
Хоть что отдать. Скажи скорее про заклад!»

Она сказала мне: «Послушай со вниманьем
И после этого играй с большим стараньем:

За каждый раз, как сдашь ты белых рать,
С тебя я семь динаров буду брать.

А если вдруг меня ты обыграешь,
Тогда ни отдаёшь, ни получаешь!»

И вот мы стали с ней по правилам играть,
Друг друга пешками по центру обгонять.

В мои красавица нацелилась ферзями,

Свои же связывала в линии с ладьями

И выставляла далеко вперёд коней.
Я ж наблюдал не за игрой, а всё за ней!

Волненье локонов следить уж было счастьем,
А это белое как свет её запястье!..

Вдруг слышу я: «Маруф! Подставил ты коня!
И походил, но неудачно, за меня!»

Да, видно вновь я сердцем был неосторожен,
Меня красавица смутила блеском кожи.

Придя в себя, проговорил я: «О Творец!
Ты подчинил наш ум желаниям сердец!»

Моя ж соперница ко мне – без пониманья,
Не отвлекает от игры своё вниманье,

И, чтоб моё вниманье к шахматам привлечь,
Она придумала сказать такую речь:

«Маруф, играть без интереса мы не рады.
Ну хорошо, я изменю к игре заклады:

Теперь, когда меня ты обыграешь,
Получишь тут же всё, что пожелаешь.

Но каждый раз, как сдашь ты белых рать,
С тебя я буду сто динаров брать!»

«Такой заклад мне предложить давно пора!
То для мужчины подходящая игра!

Согласен! – крикнул я, – С любовью и охотой!»
Но, как назло, игра не шла той ночью что-то.

Не мог никак я повнимательней играть,
И продолжал я ей сдавать за ратью рать.

Пока искал, ловил я сладостные взгляды,
Она войска мои громила из засады.

Не удалось, увы! мне выиграть хоть раз.
И – деньги вышли, и – вот утра ранний час.

«Деньгам конец», – признался я к исходу ночи.
Она ответила, раскрыв устало очи:

«Маруф, раскаяньем кончаться не должно,
Чему вперёд добро-согласие дано.

Но если ты расстроен горестно свершённым,
Возьми все деньги, и не будь за то смущённым,

Ведь не сочту тебя я должным предо мной,
Ты можешь, взяв, уйти дорогою любой».

«Нет, нет! – воскликнул я. – Когда б ты захотела,
Я б ещё душу тебе отдал вместе с телом!

Но ты мне дай надежду встречи впереди!»
«Иди, Маруф, своей дорогой уходи.

А что надежды? Жизнь – лишь труд или скитанья.
Любовь – лишь грёзы и мечты или страданья.

Со мной любви тебе не знать, как не крути.
Ты отдохнуть пришёл, и – доброго пути!»

И я покинул сад, неся страданий бремя,
Кляня и шахматы, и проигрыш, и время.

Эх, если б белых мне хоть раз, лишь раз спасти!
О мой Господь, мне этот вечер возврати!

Теперь (познал я козни, зло фортуны-дуры!)
Смотреть я буду лишь на доску и фигуры!

Пускай красотка густо мечет стрелы глаз —
Я ей победно объявлю «шах-мат» как раз.

А от запястий блеска я рукой закроюсь,
Пусть обнажает их! пусть, хоть по самый пояс!

И нужно было мне так слюни распустить!
Ведь время есть играть, и время есть любить.

Но какова она! Похитила мой разум!
И плохо то, что завладела мною сразу.

Не остерёгся я, не рассчитал вперёд
И вот пропал как муха, что увязла в мёд.

Взамен чудес любви, восторга и горенья
Я получил, увы! лишь бремя разоренья.

Рассказ о Мариам

VII, 387—416

*Не спрашивай о том, что было,
«Почему?» —*

Всё так бывает, как судьба и рок велит.

I

Утро, вспыхнув, огнём заблистало
На стальных городских воротах.
Настрадался я в разных местах,
Искандерии⁶ мне не достало.
И шагнул я в проём в воротах
В город-сад, когда солнце блистало.
Здесь прошло уже время зимы
С ветром, ливнями и холодами.
Здесь сады уж краснели плодами
В шуме птичьей возни-кутерьмы.
Хорошо, что ушло с холодами
Неуютное время зимы.

II

Искандерия – дивная крепость:
Стены толсты, крепки ворота,
Для прогулок приятны места —
Здесь листвой заслоняется небо.
Если заперты все ворота,
Этот город – надёжная крепость.
Город – баловень тёплых морей.
Обитателей он услаждает,
Мысли добрые в каждом рождает.
Люди здесь – из хороших людей!
Город радует и услаждает
Красотой и дыханьем морей.

III

Наблюдая дворцов хороводы,
Я тем городом был удивлён.
Говорят, поцелуй слаще в нём,
И нежней и прохладней в нём воды.
И садами я был удивлён,
Изощрённые здесь садоводы!
Я ни с кем ещё не был знаком,
А для сна уж смежаются веки.
И я в мыслях о доме-ночлеге

⁶ Искандерия – египетский город Александрия.

Повстречался с одним стариком.
Он сказал: «Дом мой – твой, хоть навеки!»
Так сказал, будто с ним я знаком!

IV

Мы зашли с ним в красивый проулок,
Подметённый, политый, и в нём
Веял ветер. Листвой осенён,
Тенью встретил. Прохладой пахнуло.
Ощущаешь блаженство ты в нём,
Когда ветром встречает проулок.
Странный старец меня ввёл в свой дом,
Предложил кое-что из съестного.
Я заметил, что нет в нём мясного,
Но радушье царило при том.
Предложил он немного съестного.
Видно, был не богат его дом.

V

Он сказал с наступлением ночи:
«Я тебе не совсем ведь чужой!
Я к тебе повернусь всей душой.
Ты живи здесь со мной сколько хочешь».
Дивный город! И люди с душой, —
Думал я, округлив свои очи,
И сказал: «О мой шейх, господин!
Увеличь мне знакомство с тобою!»
Он ответил: «Отец твой со мною
Вместе был в пору тяжких годин.
Он и я утешались тобою,
Коль не добр был Небес Господин».

VI

Славь Творца, кто вдруг друга отыщет!
Я, волнуясь, крик счастья исторг,
Я пришёл в небывалый восторг
И сказал, вынув деньги (две тысячи):
«Половина твоя! Ладь свой торг,
Пусть тебя в том удача отыщет!»
Ах, торговля! Тот время не гробь,
Кто не знает как делать навары!
Мой старик стал гуртом брать товары,
Продавая их тотчас враздробь.
Учащай небольшие навары,
Торг свой тяжкой ценою не гробь!

VII

Сам я днями гулял меж дворцами.
О душа! отдыхай, молодец!

Я то сидя смотрел на людей,
То по рынку ходил меж купцами.
Распрямись, вторил я, молодец,
Полюбуйся людьми и дворцами!
Как-то раз я на рынке сидел.
Вдруг мой взгляд обращается к паре —
Стройной девушке в ярком изаре,
(Совершенной – творенья предел!)
И к согбенному старцу, что в паре
С ней на муле пред нею сидел.

VIII

Старец тут же посредника кличет
И велит: «Покричи меж купцов
Вот о ней. Но ищи удалцов,
Слишком бойкие девушки нынче!»
Да, порядок такой у купцов:
Продающий посредника кличет.
А посредник ту девушку взял
И прошёл с нею в центр базара,
Сняв с лица её угол изара.
Кто увидел её – воссиял!
А смотревший от центра базара
От других то сияние взял!

IX

Она Господа, видно, мечтою
Из сияния сотворена.
Равной нет ей. Казалось, она
Вся омыта жемчужной водою!
В блеск-сияние сотворена
Всемогущего радость-мечтою!
Каждый муж будет сердцем разбит
И вздохнёт от любовной кручины:
Стрелы острые в сердце мужчины
Мечут стражи цветущих ланит!
Не от той ли суровой кручины
Месяц в небе расколот-разбит?

X

А посредник кричит: «Не сравнится
С ней жемчуг, что достал водолаз!
Перед вами газель дивных глаз!
Кто что даст? И не надо скупиться!»
А в толпе: «Да, товар дивноглаз,
И жемчужине с ним не сравниться!»
И кричит уж безусый купец:
«Пусть моей будет за— сто динаров!»
Но товар – из заморских товаров!

«Двести!» – «Триста!» и вот, наконец,
Цену круглую «Тыща динаров!»
Прокричал очень дряхлый купец.

XI

И посредник к её господину:
«Стоит тысячу эта луна.
Вас устроит такая цена?»
Тот ответил: «В лихую годину
Был я болен, и эта луна
Жизнь спасла своему господину.
И тогда я решил передать —
Даже если цена в сто раз краше —
В её руки согласие продажи.
Пусть хоть будут миллионы давать!»
(Не нашёл благодарности краше,
Чем согласие продажи ей дать!)

XII

И посредник – к царице красавиц:
«Ты себя мне позволишь продать?
С ним на жизнь ты не будешь роптать —
Он у нас старшина меж купцами.
Это он хочет тысячу дать,
Он богат, и он любит красавиц».
И подвёл он её к старику.
А старик престарелый и дряхлый!
От любви, видно, сильно уж чахлый,
Много видел старик на веку!
Да, купец престарелый и дряхлый.
Неужели продаст старику?

XIII

А невольница: «Слушай, посредник!
Не пугал ли тебя в детстве слон?
Или позже твой ум дал уклон?
Может ты бесноватых наследник?
Ты как будто не видишь, что он
Между жизнью и смертью посредник!
Пусть он будет хоть сто раз богат,
Но о нём ведь сказали такое:
«Коль твой айр остаётся в покое,
Не брани, коли станешь рогат!»
Сочинили-сказали такое
О таких, кто годами богат!

XIV

А в стихах этих дальше поётся
(Это очень подходит к *таким*):

«Айр твой кажется мне восковым:
Что ни делаю с ним я – он гнётся!»
Подходящее к дряхлым таким!
А в стихах то, что надо, поётся.
А в другой песне кто-то поёт:
«Нехороший мой айр и жестокий,
Не разит он в бою чернооких.
Когда сплю лишь, он бодро встаёт.
Когда ж встану, он спит, о жестокий!»
Старец, видно, такое поёт!»

XV

Безобразная шутка девицы
Разгневила купца-старшину.
Он, озлобясь, посредника пнул.
«О сквернейший! – кричал. – Сын блудницы!
Так при всех осмеять старшину!»
Да, остёр язычок у девицы!
Но посредник не должен грубить!
Он толкует ей жизни начала:
«На начальника ты накричала,
А начальников надо б любить...»
Но она: «Их бы вздёрнуть сначала,
А потом толстой палкой побить!»

XVI

А затем завела о продаже:
«Кто богатый, тот старый, увы!
А невольницы их в зле молвы.
Жизнь седого я сделаю ль краше?
И меня он – на рынок. Увы!
Он не даст мне согласие продажи.
И опять меня купит седой.
У него я работницей стану.
Но то вредно изящному стану!
Нет, посредник, помедлим, постой!
Торопиться с продажей не стану —
Мне не нужен хозяин седой!»

XVII

А посредник сказал: «Повинуюсь!»
И подвёл к старшине горожан.
Он сказал ей: «Моя госпожа,
Господин этот цену большую
Называл, обходя горожан.
Ты решай, я тебе повинуюсь».
Это был ещё крепкий старик.
Белый волос был в краске прекрасен.
Видом был он не слишком ужасен:

Так, нормальный разбойничий лик.
Чёрен волосом, мордою красен —
С виду был ещё крепкий старик!

XVIII

А невольница громко, в распевку:
«Видно, разумом ты повреждён!
Ты смотри! Продаёт меня он
Умирающему человеку!
Нет, твой разум, увы! повреждён! —
На весь рынок кричала в распевку. —
Бесноватый, подумай, постой,
Сколько можно ходить, торопиться
Между стен, что готовы свалиться,
Меж ифритов, сражённых звездой!
Не хочу к смерти я торопиться!
Ты подумай, посредник, постой!

XIX

В *этом*, видно, подделано всё,
Раз подделка проникла и в волос.
Моей участью пусть красит волос!
Эта краска с него не сойдёт!
Коль подделка проникла и в волос —
В нём, конечно, подделано всё!
Все седые, и этот и тот!!
У меня нет охоты к сединам!
Чтоб жила я с таким господином?!
Мне, живой, он набьёт хлопком рот!
У меня нет охоты к сединам!
Пусть провалятся – этот и тот!»

XX

Тут возник шум скандала-раздора.
Кулаками махал наш старик,
И посредник, издав слабый крик,
Вмиг лишился уюта-простора.
За живое задет был старик
И стал править делами раздора.
Он кричал, дав посреднику в нос:
«Как ты смел нас назвать дураками,
Осмеять нас пустыми словами!
О сквернейший, паршивый ты пёс!»
(Нет, не кличь дураков дураками,
Пострадать может в этом твой нос!)

XXI

А посредник наш сплюнул с досады
И подался с невольницей прочь.

Он ворчал: «Ты, бесовская дочь,
Нападаешь как тать из засады,
И – доходы и слава – всё прочь! —
Он кряхтел и краснел от досады. —
Ведь отныне меня все купцы
Будут знать как отродие злыдней.
Я не видел невольниц бесстыдней!
Коль меня все старшины-отцы
Посчитают отродием злыдней,
От меня отвернутся купцы!»

XXII

Но ещё не конец представленья!
Новый старец без жизненных сил
Пожелал, чтоб посредник спросил
О продаже. А страх ославленья?
На исходе лет жизни и сил
Нет, быть может, о том представленья.
А на спрос был мудрёный ответ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.